

УДК 1(091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-4/54-59>

В.В. Сидорин*

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БЕЛЬСКИЙ В ИНСТИТУТЕ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье кратко рассматривается история первых лет существования Института научной философии (1921–1923 гг.), а также его концепция, основанная на таких принципах организации научно-исследовательской жизни, как единая тема исследований, наличие многочисленных коллективных исследовательских проектов, междисциплинарность и плюрализм. В приложении публикуется архивный материал, содержащий новые сведения из творческой биографии одного из представителей молодого поколения сотрудников Института – Алексея Васильевича Бельского.

Ключевые слова: Институт научной философии, А.В. Бельский, Г.Г. Шпет, институциональный подход, культурно-исторический подход, история русской философии

Aleksey Belsky in the Institute of Scientific Philosophy. VLADIMIR V. SIDORIN (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article briefly examines the first years of the Institute of Scientific Philosophy (1921–1923), as well as its core organizational principles such as a single research topic, the presence of numerous collective research projects, interdisciplinarity and pluralism. The statement to the board of the Moscow State University of Alexey Belsky, a representative of the younger generation of the Institute's employees, is published in the appendix of the article.

Keywords: Institute of Scientific Philosophy, Alexey Belsky, Gustav Shpet, institutional approach, cultural-historical approach, history of Russian philosophy

Реконструкция истории Института научной философии не только открывает малоизвестные страницы отечественной философии, но представляет собой, на наш взгляд, пример реализации институционального подхода к ее истории [4; 7]. Этот подход подразумевает обращение к истории институтов и институционализированных форм интеллектуальных практик и позволяет задать еще одну исследовательскую

перспективу, дополняющую историографию русской философии, традиционно выстраивающуюся либо вокруг отдельных персоналий, либо вокруг отдельных направлений и школ (русский религиозно-философский идеализм, русский марксизм, русское неокантианство, феноменология в России и т.д.). Подобная исследовательская программа, однако, должна быть дополнена культурно-историческим подходом,

* СИДОРИН Владимир Витальевич, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН.

E-mail: vlavitsidorin@gmail.com

© Сидорин В.В., 2021

позволяющим, в свою очередь, выявить и рассмотреть тематическое и концептуальное единство в историческом развитии той или иной институции. Прослеживание подобных линий преемственности – как, например, в случае с проектом философской психологии, логическими исследованиями, терминологическими штудиями, проблемой методологии общественных наук – позволяет рассматривать развитие отечественной философии во всей ее целостности, имеющей место несмотря на все исторические разрывы и потрясения.

Такой подход к исследованию институций осуществлен в книге «Институт научной философии. Начало», где реконструируется деятельность этого Института в контексте творческих биографий работавших там философов и ученых [3]. В числе преобразований, предпринятых на рубеже 1910-х – 1920-х гг., была и реформа науки и высшего образования: в марте 1921 г. СНК РСФСР принимает декрет «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов», содержащий поручение открыть ряд научно-исследовательских институтов по гуманитарным наукам. Затеянная реорганизация научной жизни, помимо очевидных политических соображений, имела своим основанием и убежденность в необходимости создания новых организационных форм научной жизни. В рамках реализации данного решения в июле 1921 г. Наркомпросом принимается соответствующее Положение, а 29 августа при 1 МГУ, наряду с институтом истории, языкознания, теории и истории права, искусствознания, социологии, создается Институт научной философии, директором которого становится Г.Г. Шпет [6]. Вновь учрежденная институция состояла из 4 секций (логики и теории познания, методологии наук, истории философии, систематической философии) и объединила такие разноплановые фигуры, как Г.Г. Шпет, А.А. Богданов, В.Н. Ивановский, И.А. Ильин, А.М. Деборин, С.Л. Франк и др. Первые годы истории Института, связанные с директорством Г.Г. Шпета (август 1921 г. – март 1923 г.), были связаны с решением ключевых вопросов – организацией научно-педагогической и исследовательской работы, вопросами кадрового характера – заполнением штатного состава действительных членов, научных сотрудников I и II разрядов. Подготовленная коллективом авторов монография, реконструирующая на основе архивных

материалов историю первых лет существования Института научной философии, дает представление о таких принципах организации его научно-исследовательской жизни, как исследовательская работа на единую тему (в качестве такой была выбрана тема «Что такое философия»), коллективные исследовательские проекты (терминологические штудии, совместные историко-философские проекты, исследования методологии общественных наук, проект философской психологии), междисциплинарность и плюралистический подход к структурированию исследовательской работы. Первому составу Института не удалось в должной мере развернуть свою исследовательскую работу: уже в феврале-марте 1923 г. последовала его радикальная реорганизация, результатом которой стало исключение всех действительных членов и научных сотрудников немарксистской ориентации. Однако создание Института не только маркировало важную веху институционализации отечественного философского пространства, но и продемонстрировало потенциал подобной формы организации научно-исследовательской деятельности.

Монография «Институт научной философии. Начало» имеет, с нашей точки зрения, еще один важный сквозной сюжет. Хорошо известны трагические судьбы многих, состоявшихся еще в дореволюционной России философов: существенной их части пришлось покинуть страну, а многие из оставшихся погибли в годы репрессий или были вынуждены замолчать. Однако малоизвестна судьба представителей молодого философского поколения, которые как раз на рубеже 1910-х – 1920-х гг. получили философское образование в российских университетах и продолжали свое становление в качестве исследователей. Творческие судьбы тех из них, кто не желал работать в рамках марксистского дискурса, были подрублены в самом начале: кто-то был вынужден полностью уйти из науки, кто-то сумел найти себя в иных дисциплинах, в которых давление идеологии не было таким всеобъемлющим, как в философии. Институт научной философии с самого своего возникновения стал центром притяжения талантливой философской молодежи: научными сотрудниками II разряда, избираемыми на открытых конкурсах 1921–1922 гг., стали молодые философы из Москвы, Томска, Казани, Саратова. Публикуемая в монографии конкурсная документация представляет ценней-

шие биографические и творческие материалы представителей этого поколения – М.И. Батуева, Н.Н. Волкова, А.С. Керлин, И.Н. Дьякова, Н.И. Жинкина, З.И. Криворотовой, Н.Ю. Крупянской, М.П. Столярова и многих других. К их числу относится и Алексей Васильевич Бельский – выходец из духовного сословия, выпускник Казанской духовной академии и ученик В.И. Несмелова.

Основной состав научных сотрудников Института научной философии был выбран еще осенью 1921 г. Однако в следующем году он был пополнен целым рядом исследователей, в числе которых был и А.В. Бельский, ставший сотрудником Института в октябре 1922 г., но уже не успевший приступить к фактическому исполнению своих обязанностей, будучи вынужден (вместе со всеми научными сотрудниками I и II разрядов) покинуть его в феврале-марте 1923 г.¹ Публикуемые в монографии «Институт научной философии. Начало» материалы, относящиеся к А.В. Бельскому, содержат не только биографические сведения, но и информацию о его творческих работах (посвященных немецкой философии XIX в., Аристотелю, Лукрецию, Миллию), которые, к сожалению, на данный момент обнаружить не удалось [2; 5]. Публикуемый в приложении к данной статье документ из Архива РАН не только позволяет пролить свет на жизненный путь А.В. Бельского – научного сотрудника Института научной философии, позднее члена ГАХН, но и представляет собой печальный памятник эпохи. Будучи избран научным сотрудником решением Совета Института научной философии и столкнувшись с не утверждением своей кандидатуры Правлением 1 МГУ, молодой специалист был вынужден фактически «переписывать» представленное ранее Curriculum vitae, пытаясь нивелировать факт своего духовного образования, убирая из своей биографии одни сведения (происхождение из духовного сословия, преподавание во Владимирской духовной семинарии) и подчеркивая другие (работу в советской образовательной системе и культурно-просветительских учреждениях).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельский А.В. Теория искусства Шлейермахера // Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных

наук и эстетическая теория 1920-х гг. Т. 2. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 685–689.

2. Бельский А.В. Curriculum vitae // Институт научной философии. Начало / Под ред. А.В. Черняева и Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 444–445.

3. Институт научной философии. Начало / Под ред. А.В. Черняева и Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

4. Куренной В.А. Почему мы возвращаемся к институтам // Логос. 2020. № 6. С. 1–22.

5. Попов П.С. Отзыв о работах А.В. Бельского // Институт научной философии. Начало / Под ред. А.В. Черняева и Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 445–449.

6. Сидорин В.В., Черняев А.В., Щедрина Т.Г. «Завершение или начало?». Историческая философия Г. Шпета как фундамент Института философии // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 60–67.

7. Шичалин Ю.А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М.: Греко-латинский кабинет, 2000.

REFERENCES

1. Belsky, A.V., 2017. Teoriya iskusstva Shleiermakhera [Schleiermacher's theory of art]. In: *Iskusstvo kak yazyk – yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh gg. T. 2. Publikatsii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, pp. 685–689. (in Russ.)

2. Belsky, A.V., 2021. Curriculum vitae. In: Chernyaev, A.V. and Shchedrina, T.G. eds., 2021. *Institut nauchnoi filosofii. Nachalo*. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 444–445. (in Russ.)

3. Chernyaev, A.V. and Shchedrina, T.G. eds., 2021. *Institut nauchnoi filosofii. Nachalo* [The beginnings of the Institute of Scientific Philosophy]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 444–445. (in Russ.)

4. Kurennoy, V.A., 2020. *Pochemu my vozvrashchaemysya k institutam?* [Why do we keep coming back to institutions?], *Logos*, no. 6, pp. 1–22. (in Russ.)

5. Popov, P.S., 2021. *Otzyv na raboty A.V. Bel'skogo* [Review of A.V. Belsky's works]. In: Chernyaev, A.V. and Shchedrina, T.G. eds., 2021. *Institut nauchnoi filosofii. Nachalo*. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 445–449. (in Russ.)

¹ Позднее, в 1926 г. А.В. Бельский станет сотрудником ГАХН, разгромленной в 1930 г. [1].

6. Sidorin, V.V., Chernyaev A.V. and Shchedrina, T.G., 2021. «Zavershenie ili nachalo?» Istoricheskaya filosofiya G. Shpeta kak fundament Instituta filosofii [«Completion or beginning». Gustav Shpet's historical philosophy as the foundation of the Institute of Philosophy], *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 60–67. (in Russ.)
7. Shichalin, Yu.A., 2000. *Istoriya antichnogo platonizma v institutsional'nom aspekte* [The history of ancient Platonism in the institutional aspect]. Moskva: Greko-latinskii kabinet. (in Russ.)

А.В. Бельский
В Правление 1 Московского государственного
Университета

Алексея Васильевича
Бельского

Заявление²

В виду того, что утверждение моего избрания научным сотрудником Института научной философии Правлением Университета отложено на неопределенное время, я считаю необходимым сообщить более подробные сведения о моей предыдущей жизни, а также о научной и общественной деятельности.

Интерес к научно-философским занятиям пробудился у меня еще в средней школе и именно в период общественного движения 1905–6 года. Вполне естественно, что этот интерес прежде всего выразился в увлечении политическими и социально-экономическими вопросами и в чтении литературы по этим вопросам. Одновременно с этим я с большим интересом отдался изучению естественных наук, главным образом, биологии. Знакомство с естественными науками навсегда упрочило во мне интерес к общим вопросам по выработке мировоззрения. Уже в средней школе я с большим увлечением штудировал «Силу и материю» Бюхнера и «Мировые загадки» Геккеля. По окончании семинарии я очень желал поступить на естественное отделение Университета, но полное отсутствие материальных средств заставило меня поступить в духовную академию, где мне предоставлялась казенная стипендия. На первых курсах академии я усиленно работал над изучением общей и русской истории и особенно истории русской общественной мысли. Это изучение

выражалось отчасти в слушании читавшихся в академии курсов по общеобразовательным предметам и в участии в студенческих научно-литературных кружках, а главным образом в самостоятельной работе, чему способствовала исключительно благоприятная возможность пользования книгами академической библиотеки. На последних курсах окончательно определилась моя склонность к занятиям философией. В академии же я много работал над изучением древних и новых языков, начатым еще в средней школе. По выходе из академии я стремился дополнить свое образование. Так, во время моей командировки в Петербургский университет (в бытность мою профессорским стипендиатом) я не ограничился слушанием курсов по философским наукам, но значительную долю времени уделял знакомству с преподаванием общественных наук. Например, в зимний семестр 1914 г. я посещал семинарий профессора Рейснера по истории политических и общественных учений. То же желание продолжать образование побудило меня в 1918 году поступить на педагогический факультет Тамбовского университета, где я прослушал почти полный двухгодичный (для педагогов) курс, включающий, кроме специально педагогических, науки естественные, общественные и словесные. Одновременно с посещением Университета и по выходе из него я никогда не прерывал самостоятельного изучения философии. За период с 1915 по 1921 гг. я успел познакомиться с главнейшими сочинениями (частью по подлинным текстам, частью – по переводам) Платона, Аристотеля, Декарта, Юма, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Гартмана, Авенариуса, Спенсера, Бергсона, Рилья, Паульсена, Вундта и др., а также с курсами ло-

² Публикуется по рукописному оригиналу, хранящемуся в Архиве РАН (Ф. 355. Оп. 1. Д. 11. Л. 20–22). Курсивом выделены подчеркивания. Все сокращения раскрыты без специальных указаний. На первом листе имеется резолюция «В Совет Института научной философии. 20.X.22», а также пометка «Правлением 5.X. 1922 вопрос об утверждении Бельского отложен».

гики Милля, Зигварта, М.М. Троицкого, Минто и др., и с курсами психологии Гербарта, Вундта, Титченера и др.

В своих самостоятельных работах по философии я являюсь сторонником научного направления философии и противником чисто догматических утверждений. Философия, по моему убеждению, должна решать свои проблемы на основе данных, добытых всеми положительными науками, и при разработке этих данных, пользоваться методами строго научного исследования. Мои первые опыты по философии, написанные еще в академии (теория происхождения восприятий в поэме Лукреция «De rerum natura» и «Пессимизм Шопенгауэра и Гартмана»), совершенно свободны от богословского влияния. Точно также представленные мною в Институт научной философии работы, написанные в 1920–21 году («Учение Милля об индукции» и «Категории Аристотеля») не заключают в себе никаких следов влияния духовной школы.

Моя общественная деятельность заключалась, главным образом, в педагогической работе. Она состояла в преподавании истории и французского языка в старой школе, и

в преподавании философской пропедевтики, истории культуры и истории социализма в советской школе. Те же предметы я преподавал в школе повышенного типа для взрослых при Тамбовском народном университете. В самое последнее время я работал в двух школах для взрослых, состоящих в ведении политико-просветительных учреждений Тамбовской губернии, а на последнем месте моей службы, кроме того, состоял председателем местного культурно-просветительного общества.

Позволяю себе надеяться, что Правление Университета с вниманием отнесется к моей десятилетней работе над изучением философии, а также древних и новых языков и утвердит избрание Института научной философии, и тем даст мне возможность работать и учиться под руководством Института. В случае отказа в утверждении моя научная деятельность, вероятно, должна будет прекратиться, так как я не вижу никакой возможности продолжать работу в тех чрезвычайно неблагоприятных условиях, в которых я работал до настоящего времени.

А. Бельский
14 октября 1922 г.